

МУСУЛЬМАНЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

До конца 1980-х гг. в отечественной науке Западная Сибирь выпадала из списка регионов, народы которых ассоциировались с понятием мусульманской традиции. Проблемы, связанные с религией и культурой ислама, изучались в основном на примере народов Средней Азии, Северного Кавказа и Закавказья. Наоборот, исследования, посвященные Западной Сибири, практически не затрагивали проблематики межконфессиональных отношений. Тюменский регион в этом отношении не представлял исключения. Краеведы воспринимали свою малую родину как моноконфессиональную территорию, а иноверцев, как “нацменов”, но не носителей иной социокультурной системы. Между тем присутствие “магометанской” компоненты среди населения края как в дореволюционное, так и в советское время было ощутимо. Так, по данным переписи 1920 г., мусульмане составляли примерно 70 тыс. чел. или 6,7% населения Тюменской губернии¹. Они были представлены, главным образом, татарами – 51 тыс. чел., бухарцами – 12 тыс. чел., башкирами – 6,5 тыс. человек². С большей или меньшей степенью равномерности мусульманское население распределялось по югу Тюменской области. Большинство татар и башкир являлись жителями сельской местности. В Тюмени мусульмане предпочитали селиться в Татаро-бухарской слободе, расположенной на левом берегу реки Туры. Иными словами, внутри городского пространства сформировалась компактная в смысле территории проживания община.

Российские востоковеды в своем большинстве признают значительный ущерб, который нанесли большевики традиционным устоям жизни народов, исповадовавших ислам. Однако, соглашаясь с этим выводом, нельзя не обратить внимание на такую примечательную деталь: религиозная политика советской власти по отношению к мусульманским этносам носила дифференцированный характер. Гонения верующих в Средней Азии, Закавказье и на Северном Кавказе были более сдержанными по сравнению с религиозными преследованиями собственно “российских” мусульман. Что касается татар и башкир, то они даже не воспринимались властями как представители дар аль-ислам (“мира ислама”). Поэтому во главу угла политики, направленной на включение “отсталых” народов в государственный контекст советского времени, официальные структуры обычно ставили не религиозный, а национальный вопрос.

Проблема взаимоотношений государства и верующих в первые годы советской власти сложна и противоречива. С одной стороны, в условиях гражданской войны и внешней опасности большевики, стремясь ослабить оппозицию, были заинтересованы в сотрудничестве с мусульманской религиозной элитой. Они также не могли не учитывать преимущественно добрососедский характер отношений, сложившихся между русскими и мусульманами в районах

¹ Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф.4. Оп.4. Д.644. Л.38.

² Государственный архив Тюменской области (ГАТО). Ф.2. Оп.1. Д.198. Л.17-18.

их совместного проживания. Поэтому поначалу властные структуры, как центральные, так и местные, не акцентировали внимание на религиозно-бытовой стороне жизни мусульманского населения при условии его лояльности к своим начинаниям. Показательно, что в одном из первых документов советской власти обращении СНК “Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока” (20 ноября 1917 г.) верования, национальные и культурные учреждения приверженцев ислама объявлялись “свободными” и даже “неприкосновенными”³. Как справедливо заметил известный исследователь проблем ислама в нашей стране Малашенко А.И., «стратегической задачей большевиков в тот период было не только, и возможно, и не столько подчинить себе мусульман, но и найти с ними общий язык, заполучить мусульманские народы в качестве союзников по борьбе с внутренним врагом – белым движением, а также для реализации своей цели – распространения на Востоке мировой революции». Поэтому «завоеванию доверия мусульман и призвано было служить на первых порах демонстративно подчеркиваемое уважение к их решениям»⁴.

В первые годы советской власти в Тюменском регионе религиозные мусульманские общества и мечети продолжали функционировать, имамы, муллы несли службу как проповедники ислама. До 1920 г. татарские школы работали по учебным планам и программам конфессиональных учебных заведений.

Однако подобные декларации, разумеется, не означали отказа большевиков от доктрины “воинствующего атеизма”, предполагавшего внедрение в массовое сознание специфической идеологии и экспроприацию имущества и ценностей религиозных общин. И хотя эта собственность составляла ничтожно малую долю национального богатства, она в отличие от собственности бывших капиталистов оказалась куда более защищенной, вынуждая власть маневрировать и идти на временные тактические уступки. Лишь с разгромом белого движения государственная политика начинает разворачиваться в сторону постепенного “выкорчевывания религиозных предрассудков” из сознания “отсталых” национальных меньшинств. В конечном итоге главной задачей ставилось утверждение среди “нацменов” – мусульман идеологии большевизма. С одной стороны, это вело к ужесточению политического режима, с другой – наполняло его взаимоотношения с исламом нарастающей конфликтностью.

Для практического осуществления национально-религиозной политики среди народов, исповедовавших ислам, при народном комиссариате по делам национальностей был создан мусульманский комиссариат, а также соответствующие структуры на местах. В Тюменском регионе таким органом являлся учрежденный в апреле 1918 г. комиссариат по делам мусульман (с 1920 г. – отдел национальных меньшинств), подчинявшийся исполкому губернского Совета⁵. В период “демократической контрреволюции” и колчаковщины он был распущен и возобновил свою работу после восстановления советской власти. Тогда же для “ведения партийной работы на родном языке каждой национальности” аналогичные подразделения организуются при Тюменском губкоме и

³ Декреты Советской власти. М., 1957. Т.1. С.114.

⁴ Малашенко А.В. Исламское возрождение в современной России. М., 1998. С.44.

⁵ Тобольский филиал (ТФ) ГАТО.Ф.284.Оп.1.Д.2. Л.71: Государственный архив общественных и политических объединений Тюменской области (ГАОПОТО). Ф.1. Оп.2. Д.123. Л.25.

уездных комитетах РКП(б) и РКСМ. С их созданием было распущено Тобольское мусульманское национальное управление, объединявшее местных религиозных деятелей, не связанных с новой властью⁶. В то же время другая часть священнослужителей-мусульман, демонстрировавших политический нейтралитет, не подвергалась гонениям. Отношение к ним советской власти можно охарактеризовать как переменчиво-спокойное.

Ситуация резко изменилась в начале 1920-х гг., когда в условиях тяжелейшего голода советско-мусульманские отношения переходят в политическую плоскость, тесно увязываясь с идеологией классовой борьбы. В начале 1922 г. в соответствии с постановлениями президиума ВЦИК «О ликвидации церковных имуществ» и «Об изъятии всех подряд церковных ценностей» помещения мечетей и их имущество были изъяты государством. В Тюменском регионе это отчетливо проявилось во время кампании по «искоренению» религии (1921-1922 гг.), в ходе которой закрывались мечети, медресе, мусульманские библиотеки. «Ликвидационные комиссии» брали на учет все материальные ценности религиозных общин, объявляя их «народным достоянием». Последствия этой акции оказались противоречивыми. С одной стороны, «красногвардейская атака» на ислам вызвала волну протестов в кругах ортодоксально настроенных верующих и всплеск недоверия к советской власти, с другой – ускорила процесс раскола в мусульманской среде, сопровождавшийся усилением примиренческого крыла, пытавшегося приспособиться к существующему строю. Учитывая склонность к компромиссу части мусульман, региональные власти внесли определенные коррективы в национально-религиозную политику, и, пытаясь изолировать ортодоксов, сделали шаг навстречу примиренческим тенденциям.

В начале 1923 г. мечети и их имущество были возвращены верующим в «бесплатное и бессрочное пользование». Однако, если раньше культовые здания являлись собственностью религиозных общин, то теперь между ними и органами власти заключались договоры аренды, в которых предписывалось «беречь народное достояние» и «не допускать проведения в мечетях политических собраний, произнесения проповедей и речей, раздачи книг, брошюр и листовок, направленных против советской власти»⁷. В случае нарушения этих условий государственные структуры получали право расторгнуть договор в одностороннем порядке и закрыть мечеть.

Договор об аренде молитвенного здания обеспечивал мусульманской общине статус официально зарегистрированной. Она должна была принять устав и ежегодно представлять списки священнослужителей и прихожан, которые позволяли органам власти наладить учет верующих и контроль за ними. Религиозные общины не имели права взимания членских взносов, поэтому культовые помещения и имущество содержались за счет добровольных пожертвований.

В течение 1923-1924 гг. была проведена регистрация религиозных общин, сопровождавшаяся учетом материальных ценностей культовых учреждений. В регистрационных списках указывались фамилии, дата рождения мулл.

⁶ ТФ ГАТО. Ф.284. Оп.1. Д.2. Л.71.

⁷ ГАТО. Ф.5. Оп.1. Д.306. Л.203; ТФ ГАТО. Ф.434. Оп. 1. Д.23. Л.8-9.

муэдзинов, членов религиозных советов и просто верующих. По сохранившимся в архивах документам видно, что в этот период членами мусульманских организаций в регионе состояло все взрослое население татарских деревень⁸.

Религиозная “реформа” 1923 г. сопровождалась комплексом мер, направленных на дискредитацию ислама. С этой целью при тюменском филиале Союза воинствующих безбожников создается татарская секция “Дагриляр”. Основное внимание “Дагриляр” уделял работе среди городского населения, в особенности молодых рабочих и служащих, которые в отличие от мусульман сельской местности находились в инонациональном окружении и в той или иной мере зависели от администрации “своих” предприятий и учреждений. Пользуясь поддержкой официальных структур, “Дагриляр”, однако, вскоре сам оказался под их контролем и превратился в своеобразный “филиал” партийных или советских организаций. Их представители входили в окружные советы общества, определяли направления и планы его работы. По предложению парторганов в практику “Дагриляра” стали внедряться “протоколы мероприятий по атеистическому воспитанию”, в которых фиксировались сведения об участниках той или иной акции, выступления в защиту религии. Выявив таким способом активных верующих, “Дагриляр” приступал к их индивидуальной обработке, а в случае неудачи навешивал ярлык “неблагонадежных”.

Среди “форм” работы общества – диспуты со сторонниками ислама, антирелигиозные спектакли, издание печатной продукции с сюжетами издевательско-примитивной насмешки над служителями культа. Особую активность ячейки “Дагриляр” проявляли в период Рамазана, завершающегося праздником курбан-байрам. Чтобы отвлечь мусульман от исполнения традиционных обрядов, они устраивали месячники “комсомольского Байрама”, митинги, спортивные соревнования, конкурсы. Обязательным элементом всех мероприятий были “антирелигиозные вечера”, на которых зачитывались доклады о происхождении Земли и человека, возникновении ислама, пагубности религии, вреде поста и т.п. Далеко не всегда эти мероприятия достигали поставленных целей. Более того, после некоторых из них между атеистами и верующими возникали острые конфликты, рвались дружеские или соседские связи. Об эффективности используемых обществом форм работы можно судить по тому, что в 1925 г. оно рекомендовало своим ячейкам отказаться от проведения антирелигиозных диспутов, в которых, как показала практика, перевес почти всегда оказывался на стороне верующих.

Массовая работа по перевоспитанию трудящихся в социалистическом духе предполагала использование возможностей печати. В первое время печатная продукция на языках мусульманских народов поступала из Москвы. Так, в июне 1920 г. было получено 17 пудов литературы на татарском языке, в том числе 3,5 пуда политической. Позднее издание газет и другой печатной продукции на татарском языке было организовано в регионе. В 1922-1923 гг. в Тюмени выходила газета «Юксыллар чаткысы» («Искры пролетариата»), являвшейся органом мусульманского бюро губкома РКП(б). С 1924 г. в регионе распространялась областная газета «Коммунист» на татарском языке (орган Уральского обкома ВКП(б) и

⁸ ГАТО. Ф.4.Оп.1 Д-Д.1184-1214.

облисполкома), переименованная в 1925 г. в «Сабан эм чукеч» («Серп и молот») и в 1930 г. — в «Социализм юлы» («Путь социализма»).

Антирелигиозная работа проводилась на предприятиях, в организациях, на селе, на уровне индивидуальной работы среди населения. Уполномоченные по делам национальных меньшинств трудились в тесном контакте с активистами местного филиала Союза воинствующих безбожников. Пропаганда усиливалась в период подготовки и проведения национального праздника татар «Сабантуй». В селах организовывались лекции, доклады, кинопередвижки, выпускались специальные номера стенгазет, проводились спортивные игры и соревнования. Особенное внимание уделялось работе среди женщин-татарок. Основной формой работы с мусульманками были делегатские собрания, на которых проводились политические беседы, чтение литературы, организовывались вечера с лекциями, концертами.

Два раза в год работники национальных бюро отчитывались перед коллегией агитпропа губкома партии. Из доклада за первую половину 1923 г. видим, что они были вполне удовлетворены результатами своей деятельности: «Проведены агиткампании, посвященные 1-е Мая (2 раза), дню Февральской революции (2 раза), 5-летию Красной Армии, дню 8-е Марта (2 раза), дню Парижской коммуны (2 раза). В 1923 г. 2 раза устраивался религиозный диспут, который предложили сами муллы, но с доводами коммунистов вполне согласились. В общем, антирелигиозная работа прошла успешно. Самым строжайшим образом ведется борьба с вероучением в школах. Открываемые муллами в городе, а также и в деревнях религиозные школы были закрыты (которые существовали тайно)»⁹.

В 1920-е гг. мусульманское духовенство по-прежнему оставалось реальной политической силой, которая тысячами нитей была связана со своими прихожанами: пыталось защищать их интересы перед администрацией, поддерживало в трудную минуту, оказывало немалое влияние на семейно-брачные отношения. Особой поддержкой, порой фанатичной, служители культа пользовались среди женщин. Как следствие, в спорных ситуациях мнение мулл для многих мусульман оставалось решающим и к нему прислушивались даже на выборах депутатов в местные Советы¹⁰.

Мусульманское духовенство занимало различные позиции по важнейшим вопросам общественной жизни того времени. Одна группа в его среде проводила линию на консервацию старых порядков и не скрывала своей неприязни к новому общественному устройству. Другая часть мусульманского духовенства взяла курс на лояльное отношение к советской власти (таких служителей ислама называли «прогрессистами»). Прогрессисты выступали за посещение мусульманами мечетей, равноправие женщин, их активное участие в общественной жизни. Они активно реформировали религиозные школы, вводили в них преподавание арифметики, географии, родного языка. Несмотря на явное различие позиций консерваторов и прогрессистов, как к одной, так и другой группе власти относились недоброжелательно.

⁹ Государственный архив общественных и политических объединений Тюменской области (ГАОПОТО). Ф.1. Оп.1. Д.727. Л.2.2а.

¹⁰ ГАОПОТО. Ф.3. Оп.1. Д.901. Л.79.

В 1925 г. было разрешено преподавание мусульманского вероучения среди «восточных народностей» в свободные от школьных занятий дни. В инструкции Наркомпроса говорилось: «Преподавание мусульманского вероучения может производиться только в мечетях с надлежащего, в каждом отдельном случае, разрешения уездного или губернского и областного исполкома и исключительно лицам: а) достигшим 14-летнего возраста и предоставившим о том свидетельство или б) окончившим школу 1 ступени и представившим о том удостоверение»¹¹. Однако власти региона очень неохотно давали такого рода разрешения. В 1926 г. в Тобольском округе было выдано 2 разрешения и обучались 14 человек, в Тюменском – 3 и 53 соответственно¹².

Включение татар и башкир региона в государственный контекст советского времени не было бы столь успешным, если бы местные власти не располагали теми, кто был их единомышленником в этнической среде, которую они стремились поднять из «тьмы религиозного невежества». Ведущий – власть и ведомый – «актив нацмен» составляли тандем, действия которого были направлены на ликвидацию религиозной жизни мусульман в регионе. Уже среди первых выпускников Тобольской партийной школы в 1920 г. были активисты-татары. Начиная с 1924 г., представители местного населения проходили подготовку в татаро-башкирском отделении Свердловской совпартшколы.

Таким образом, религиозная политика в первые годы советской власти полностью вписывалась в планы создания атеистического государства. Мусульмане были поставлены в новые условия и оказались перед необходимостью приспособления к существующему строю. Несмотря на попытки центральной и местных властей ассимилировать мусульман, ислам остался фундаментальной частью их сознания и образа жизни.

¹¹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф.17.Оп.4.Д.545. Л.16.

¹² Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф.88.Оп.2. Д.60. Л.156.